

ИСТОРИЯ ФИНАНСОВ И УЧЕТА

П. В. Конюховский

докт. экон. наук, профессор

А. Л. Дмитриев

канд. экон. наук, доцент кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета; доцент кафедры экономической кибернетики Санкт-Петербургского государственного университета

ПРОШЛЫЕ АВАНСЫ И НАСТОЯЩИЕ ДОЛГИ: ВЗГЛЯД ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

(К 30-ЛЕТИЮ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ Н. П. ШМЕЛЕВА)

Введение

2017 г. в сознании значительного числа граждан России ассоциируется в первую очередь со столетием Великой Октябрьской социалистической революции. На этом фоне другие памятные даты оказываются в тени. Однако и они достойны упоминания. В этой работе авторы обращают внимание читателя на тридцатилетний юбилей с момента выхода статьи, которой было суждено стать одной из наиболее заметных вех финального периода советской истории — «Горбачевской перестройки», завершившейся распадом СССР.

В 1987 г. в шестом номере журнала «Новый мир» была опубликована статья Николая Петровича Шмелева (1936–2014) «Авансы и долги» (Шмелев, 1987)¹. Вполне вероятно, что людям, вступившим во взрослую жизнь после 1991 г., это название не скажет ничего. В то же время те, кто в сознательном возрасте застал конец 1980-х гг., без особого труда вспомнят эффект «разорвавшейся бомбы», произведенной данной публикацией. Текст передавался из рук в руки, перепечатывался, горячо обсуждался представителями не только научно-технической интеллигенции, но и представителями гораздо более широких масс «советских граждан».

Разумеется, причины подобного отношения заключались не столько в научных или литературных достоинствах статьи, сколько в том, что она содержала очевидный сигнал, посылаемый руководством страны гражданам относительно радикальной корректировки планов реформирования экономики, политического и государственного устройства.

Текст Н. П. Шмелева имеет ярко выраженный публицистический (а не научно-теоретический) характер. Логика изложения и стиль подачи материала, очевидно, были ориентированы на попадание в резонанс общественных настроений и ожиданий. Именно это качество статьи «Авансы и долги» делает ее интересным и значимым объектом научного анализа сегодня, спустя тридцать лет после выхода в свет.

Отметим, что в этот период появились и другие яркие публицистические статьи отечественных экономистов О. Р. Лациса (1934–2005), В. И. Селюнина

¹ В 1996 г. Н. П. Шмелев опубликовал работу «Авансы и долги: вчера и завтра российских экономических реформ», в которой осмысливался пройденный страной путь за последующие 10 лет (Шмелев, 1996).

(1927–1994) и Г. И. Ханина, Т. И. Заславской (1927–2013), Л. И. Пияшевой (1947–2003), С. С. Шаталина (1934–1997) и др.

Работа Н. П. Шмелева, вне всякого сомнения, далека от стандартов классического научного или профессионального исследования в современном понимании. Однако признавая это, одновременно нельзя не признать и того, что никакой иной формы публичного выражения подобных идей в то время в СССР просто не могло существовать.

Важность статьи Н. П. Шмелева как объекта научного исследования заключается прежде всего в том, что ходе ее анализа могут быть получены выводы о природе тех представлений, которые советское руководство и рядовые граждане имели об экономическом устройстве страны, в которой они жили, о ее текущем состоянии и перспективах на будущее.

Экономическая ситуация и идеи реформ

Кратко напомним исторический контекст, в котором появилась данная работа. Третий год нахождения М. С. Горбачева у руководства партией и государством может быть охарактеризован как «торможение ускорения». Если анализировать логику действий первой горбачевской команды, пришедшей к руководству СССР в 1985 г., то можно заметить, что планы реформ и преобразований были достаточно скромными. Наглядным аргументом в пользу данного тезиса выступают названия направлений трансформации: «Ускорение» («Перестройка» и «Гласность» изначально существовали на правах некоторых вспомогательно-подготовительных мер по обеспечению ускоренного развития социалистического общества), «Интенсификация-90», «Жилье-2000». Повышения эффективности и качества в экономике предполагалось достигать с помощью введения «госприемки». В этот же ряд вполне вписывается антиалкогольная кампания. Нужно признать, что такая стилистика действий не была чем-то невиданным и экстраординарным для традиций советского госуправления. Регулярно во главу повестки ставился какой-либо «эффектно звучащий пункт».

Нельзя воспринимать сказанное с высоты опыта сегодняшнего дня. В середине 80-х в общественном сознании господствовало принципиально иное отношение к экономико-политической действительности. Достаточно популярной была точка зрения, что общественно-политическое устройство СССР, несомненно, самое лучшее и прогрессивное из созданного Человечеством, но ему нужно вернуть некоторую «каноническую» чистоту или, как тогда было принято говорить, возродить «ленинские нормы». Так, выступая на заседании секции общественных наук Президиума АН СССР в апреле 1987 г., секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев (1923–2005) подчеркивал: «В. И. Ленин настойчиво различал формальные и реальные достижения в развитии социалистического общества. Вспомним, как он подчеркивал принципиальную разницу между формально-юридическим социалистическим обобществлением и обобществлением на деле. Продолжая эту ленинскую традицию, нам предстоит добиться реальной планомерности в развитии производства...» (Яковлев, 1990, с. 222). Говоря же о проблемах последнего десятилетия, он отмечал, что складывалась система «подрыва материальных основ социализма — затратность экономики», а ее причины надо искать «не на поверхности, не в отдельных экономических ошибках, а в глубине общественного бытия, в генезисе строя». Главной же причиной, по мнению А. Н. Яковлева, «стала практически абсолютизация государственной собственности, приравнивание ее к высшей форме собственности — общенародной, что на деле обернулось

приматом администрирования, расширением пространства для бюрократизма» (там же, с. 223).

Знаковыми событиями первых двух лет горбачевской эпохи стали авария на Чернобыльской АЭС и первые конфликты на национальной почве. Конец 1986 г. ознаменовался демонстрациями протеста в Алма-Ате против назначения «сверху» партийным главой Казахстана Г. В. Колбина (1927–1998), не являвшегося представителем титульной нации. В контексте 1986 г. после многих лет торжества «ленинской национальной политики» и неизменных деклараций о решении национального вопроса в СССР данные события воспринимались очень остро и болезненно. Именно на фоне подобных, явно непредвиденных осложнений начались поиски путей более глубоко и радикального реформирования советского социалистического строя.

Выступая в июне 1987 г. на Пленуме ЦК КПСС, М. С. Горбачев подчеркивал: «На протяжении последних десятилетий не раз предпринимались практические попытки изменить сложившуюся систему управления. Это делалось и в 50-е, и во второй половине 60-х, и в конце 70-х годов. Однако эти попытки были неполными и непоследовательными, они давали в лучшем случае кратковременный эффект и не привели к нужному перелому... сейчас, на переломном этапе, когда мы подошли к кардинальным решениям, особенно важны научная обоснованность и идейно-политическая ясность в понимании сути и основного смысла начавшихся перемен, направленности в перестройке управления. Как и куда двигаться дальше? От чего мы можем отказаться, что надо укреплять и совершенствовать, а что вводить вновь?» (Горбачев, 1988, с. 161). Кроме того, в качестве задачи отмечался «полный перевод предприятий и объединений на самоокупаемость и самофинансирование», поскольку за счет заработанных средств «должны покрываться все текущие затраты, включая оплату труда, осуществляться вложения на расширение и реконструкцию производства, социальное развитие трудовых коллективов. Бюджетное финансирование должно было сохраниться «только для решения наиболее крупных и важных государственных задач», а «предприятиям предоставляются широкие возможности ответственного пользования банковским кредитом». В результате «трудовой коллектив должен нести полную экономическую ответственность за результаты своей деятельности» (Горбачев, 1988, с. 167–168). В выступлении М. С. Горбачева прозвучал термин «теневая экономика», когда население страны, по данным Госкомстата, уплачивало за выполнение услуг частным лицам около 1,5 млрд руб. (там же, с. 151).

Оценивая действия тогдашнего руководства с позиций «сегодняшнего дня», кажется, что осознать природу и содержание фундаментальной проблемы, с которой оно столкнулось, достаточно просто.

Курс на консервирование «социалистической системы» объективно вел к нарастанию социально-экономических проблем, что, в конечном счете, создало стимулы к возникновению политической оппозиции (в том числе и на высшем уровне) перспективами опоры на широкое недовольство населения.

В то же время радикальный и явный отказ от социалистических ценностей и завоеваний, от курса на построение коммунизма, с учетом того, что именно они были основным фактором легитимности власти в СССР, также был абсолютно невозможен. Как следствие, явочным порядком сформировался «реактивный» курс, предполагавший латентную модификацию и частичный демонтаж советской политико-экономической системы под лозунгами ее дальнейшего совершенствования.

Даже самые строгие критики статьи Н. П. Шмелева согласятся, что ее начало ни в коей мере не утратило своей актуальности за тридцать лет: «Состояние нашей экономики не удовлетворяет никого»...

Значение текстов, подобных статье Н. П. Шмелева, проявляется в том, что они представляют яркий и наглядный пример сигнала, посылаемого «руководством страны» населению в преддверии кардинальных конфликтных изменений. Подобные изменения чреваты плохо прогнозируемыми последствиями для разных социальных групп. Причем одни связывают с ними позитивные ожидания, другие — серьезные опасения. Задача сигнала — донести позитивный message до сторонников перемен и одновременно не спровоцировать противников на досрочную форсированную консолидацию.

Именно поэтому этот сигнал не может быть в полной мере ясным и правдивым. Он должен содержать недосказанности, оставлять возможности для неоднозначных трактовок. Конструктор сигнала вынужден балансировать между рисками «досрочно подтолкнуть к выступлению оппонентов» и «разочаровать нерешительностью потенциальных сторонников».

Дополнительно ситуация осложнялась неопределенностью и размытостью грани между сторонниками и противниками реформ. На начальном этапе правления М. С. Горбачева мнение о необходимости перемен было консенсусным. При этом руководство осознавало, что формулировка любого плана действий положит конец единодушному согласию, расколется общество на враждующие группы. Это в значительной мере предопределило такую черту почти всех начинаний той эпохи, как хроническая невнятность. Лидер СССР и его ближайшее окружение пытались до последнего оттянуть момент политического размежевания и, в результате, настроили против себя почти всех.

Ретроспективный анализ статьи Шмелева с современных позиций позволяет понять одну из фундаментальных причин краха перестроечных реформ. Фактически она пыталась осуществить исторически невыполнимую миссию — поменять цвет знамени и цели борьбы, сохранив армию и себя во главе этой армии.

Образно говоря, статья Н. П. Шмелева — это одна из первых и достаточно робких попыток пришить к красному советскому знамени маленькую полоску другого цвета. В последующие годы процесс «добавок и дошивок» стал ускоренно набирать обороты. Когда флаги (причем не только в переносном, но и в прямом смысле), а с ними лозунги и цели стали радикально отличаться от того, что было провозглашено в марте 1985 г. (момент избрания М. С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС), смена лидера стала неотвратимой.

Оставим в стороне вопрос о неизбежности распада СССР или существовании альтернативных сценариев эволюционного развития как выходящий за рамки данного обсуждения. Заметим только, что одна из основных промашек М. С. Горбачева заключается в проведении политической линии, приведшей к трансформации противостояния «реформаторов» и «консерваторов» в конфликт «консервативного союзного центра» и «прогрессивных республик». Это, несомненно, стало могущественным фактором ускорения распада союзного государства.

Анализ противоречий и непоследовательности «программной части» статьи Н. П. Шмелева «из нашего времени» вполне позволяет заметить, что угрозы и опасности, предопределившие скорый крах СССР, вполне просматривались уже в 1987 г. Однако в самом 1987 г. они были незаметны даже наиболее продвинутым и дальновидным политическим аналитикам.

Согласно традиционной версии работа Н. П. Шмелева написана на основе закрытых аналитических материалов, подготовленных автором для руководства

партии и государства (возможно, лично для М. С. Горбачева) под грифом «ДСП»¹. На тот момент Николай Петрович Шмелев являлся научным сотрудником Института США и Канады АН СССР. С высокой долей уверенности можно утверждать, что санкция на широкую публикацию также поступила с «самого высокого уровня».

Основные программные положения

Попробуем более детально остановиться на основных положениях работы Н. П. Шмелева и логике их обоснования.

Работа, являясь публицистическим произведением, не подразделяется на главы или параграфы, но в ней достаточно четко прослеживаются четыре части: критическая констатация текущего положения, предложения по экономическим реформам, предложения по изменению кадровой политики, предложения по мерам в сфере технологий (в терминологии 1987 г. — ускорение экономического и научно-технического прогресса).

Первое, что бросается в глаза современному читателю, несомненно, это классические элементы советской «идеологической дымовой завесы». В начальных абзацах статьи присутствуют традиционные отсылки к решениям XXVII съезда КПСС, что по замыслу автора должно было выполнять функции «охранной грамоты» для явно неканонических идей, высказываемых в работе. Заметим, что упоминания XXVII съезда (1986 г.) в качестве события, положившего «начало революционным переменам в жизни нашего общества», окончательно исчезнут из партийной печати к следующему после выхода статьи 1988 г.

Также автором активно используются отсылки к так называемым поздним работам В. И. Ленина (1870–1924). Например, в работе можно найти следующий фрагмент: «В условиях нэпа, писал Ленин, тресты (объединения предприятий) должны работать “на началах наибольшей финансовой и экономической самостоятельности, независимости от местных сибирских, киргизских и др. властей и прямого подчинения ВСНХозу”» (Селюнин, Шмелев, 1990, с. 346–347)².

Заметим, что выступая в январе 1987 г. на Пленуме ЦК КПСС, М. С. Горбачев подчеркивал: «Перестройка — это неуклонное повышение роли интенсивных факторов в развитии советской экономики; восстановление и развитие в управлении народным хозяйством ленинских принципов демократического централизма, повсеместное внедрение экономических методов управления, обеспечение перехода всех звеньев экономики на принципы полного хозрасчета и новые формы организации труда и производства, всемерное поощрение новаторства и социалистической предприимчивости» (Горбачев, 1987, с. 309). Одновременно отмечалось, что в прошлом «ленинские положения о социализме трактовались упрощенно, нередко выхолащивались их теоретическая глубина и значимость», а также что «определенные хождения получили легковесные представления о коммунизме, разного рода пророчества и абстрактные суждения» (там же, с. 302).

¹ Сам Н. П. Шмелев в 2009 г. в интервью говорил о появлении статьи так: «Мне позвонил нынешний комментатор радио “Свобода”, а тогда ответственный секретарь журнала “Новый мир” Толя Стреляный: “Петрович, давай что-нибудь напишем про экономику!” — “Годятся закрытые записки Горбачеву?” — “Давай!” Я готовил материалы для Горбачева под грифом ДСП, а кто-то из его помощников кидал их в корзину. Статью поставили в номер» (Расплата за «авансы и долги», 2009).

² Статья Н. П. Шмелева несколько раз перепечатывалась. Сейчас ее нетрудно найти в Интернете. Здесь и далее ссылки даются по сборнику, где под одной обложкой напечатаны статьи В. Селюнина под общим заголовком «Истоки» и статьи Н. Шмелева под заголовком «Авансы и долги» (Селюнин, Шмелев, 1990).

Согласно «классической» трактовке курс на новую экономическую политику (НЭП), принятый в 1921 г. после Кронштадтского мятежа, был вынужденным отступлением («политическим маневром») большевистской партии, предпринятым по причинам разрухи в экономике после Гражданской войны и вследствие международной изоляции Советского государства. Шмелев пытается изменить акценты и представить дело таким образом, что НЭП — это и было именно то, к чему так стремился вождь пролетариата и основатель первого в мире социалистического государства, а вот продолжатели его дела, неназываемые в статье (период прямой критики Сталина наступит только в 1988-м), исказили светлые ленинские замыслы, как раз и исказили.

Здесь нужно признать, что автор прибегает к откровенной манипуляции. Отношение В. И. Ленина к НЭПу было достаточно хорошо известно и нашло отражение в его работах. В частности, в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» он писал: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира» (Ленин, 1970, с. 225)¹, а также: «Мы отступили к государственному капитализму. Но мы отступили в меру. Мы отступаем теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступим в меру. Есть уже признаки, что виднеется конец этого отступления, виднеется не в слишком отдаленном будущем возможность приостановить это отступление» (там же, с. 229).

Мы приводим эти цитаты для того, чтобы сфокусировать внимание читателя на следующем аспекте. В общем-то, тезис о том, что В. И. Ленин жил, работал, готовил и осуществлял Октябрьскую революцию исключительно для того, чтобы построить НЭП, выглядит вызывающе алогично и нелепо. Однако в условиях 1987 г. очень многие неглупые и думающие люди предпочитали этого не замечать. Делалось это не потому, что они неожиданно утратили способность к логическому мышлению, а потому что в их сознании на первый план вышла идея необходимости и перспективности радикальных изменений. А раз так, то все, что можно было подтянуть в качестве довода «за», шло в работу.

Разумеется, статья Шмелева появилась не на пустом месте. Среди заметных работ, предвалявших ее, можно назвать знаковую статью Г. Ханина и В. Селюнина «Лукавая цифра», опубликованную во втором номере «Нового мира» за 1987 г. (приблизительно февраль—март) (Ханин, Селюнин, 1987). В профессиональных кругах она имела резонанс не меньший, чем тот, который обрела на «общегосударственном» уровне статья Шмелева, вышедшая в середине того же года.

В этой связи можно привести «самооценку», сделанную Григорием Ханиным спустя тридцать лет: «После “Лукавой цифры”, мы еще много сенсационных данных опубликовали, но такого успеха в постсоветское время не знали. Почему? Думается, дело в том, что после многих десятилетий официальной лжи общество изголодалось по правде в позднем СССР слой образованной и неравнодушной к судьбам страны интеллигенции был довольно значительным» (Ханин, 2017, с. 172).

Обеим работам присущ резко критичный стиль. Предшественники Шмелева были более ограничены в выборе объектов для критических атак и сосредотачивались на проблемах недостоверности статистических показателей, искажающих цели и задачи управления экономикой, что, собственно говоря, и отражено в названии работы.

¹ Первоначально в: Правда, 1921, № 251, 6—7 нояб.

Спустя буквально несколько месяцев Шмелев уже может позволить себе достаточно резко отозваться о некотором социальном слое — управленческо-бюрократическом аппарате:

«Новая экономическая политика образца 80-х годов не может оставить в покое и наши промышленные министерства. Их так безобразно много, их аппараты так раздуты, что они часто просто вынуждены искать себе занятия и тем самым зачастую лишь мешают предприятиям. Министерства сами по себе уже давно стали серьезнейшей, без преувеличения политической проблемой, требующей быстрого радикального решения» (Селюнин, Шмелев, 1990, с. 362).

Заметим, что «промышленные министерства», выполнявшие в советской политической системе, как правило, вспомогательно-технические функции, в данном пассаже выступают в роли громоотвода, принимая на себя удар, предназначенный партийному руководству.

Одновременно нельзя не выделить ряд общих черт, свидетельствующих о том, что обе работы достаточно полно и представительно отражали основные векторы общественной настроений. Прежде всего это и «опора на ленинское наследие». В статье Ханина и Селюнина присутствует немало примеров, как Ленин и его соратники боролись против того, что авторы осуждают, и решительно отстаивал те меры, которые они предлагают внедрить.

Наконец, нельзя не обратить внимания на финальный вывод Ханина и Селюнина: «Так что же, стоимостные показатели в принципе непригодны? Не так! Денежные измерения исправно служат там, где деньги играют активную роль в экономике, являются важнейшим инструментом хозяйственного механизма. При чрезмерной централизации, при тотальном планировании и директивном распределении практически всех ресурсов деньги своих функций не выполняют, хотя вопреки логике они сохранены в качестве главного измерителя. Но отсюда следует вывод исключительной важности: в условиях глубокого хозрасчета, когда деньги на деле станут эквивалентом обмена, стоимостные показатели будут совсем неплохи» (Селюнин, Шмелев, 1990, с. 129).

Другими словами, осветив проблемы статистики и применяемых плановых показателей, авторы достаточно «изящно» подводят читателя к мысли, что дело не в измерительных инструментах, а в самом объекте управления, которому без радикальных изменений никакая статистика не поможет.

На фоне ярких и наглядных статистических выкладок из работы Ханина и Селюнина статистические аспекты статьи Шмелева смотрятся весьма «скромно», а отдельные данные подвергаются достаточно спорным интерпретациям. Например, приводятся сведения о приросте производства в Советском Союзе за 1922–1925 гг. (зерна на 33%, продукции животноводства — на 34% и т. д.) Эти результаты истолковываются как убедительный аргумент в пользу вывода об успехе НЭПа. Однако не следует забывать, что экономические результаты страны в период Гражданской войны (1917–1922 гг.) являются спорной базой, не говоря уже о достоверности статистики за данный период.

В то же время Ханин и Селюнин лишь подводят к тезису о необходимости радикальных преобразований экономики («Допустим, предприятие более не получает директивных заданий по объемам и приростам продукции, по производительности труда, по прибыли. Строго регламентирован лишь налог в казну. Тогда кому любо, пусть рисует на досуге красивые цифры — ни лавровых венков, ни добавочной зарплаты это занятие не сулит» (Селюнин, Шмелев, 1990, с. 129)). В работе Шмелева был даже намечен комплекс программных мер. Остановимся на нем более подробно. Мы взяли на себя смелость структурировать его в табличной

форме: мера, ожидаемый эффект, оценка негативных последствий и возможные контрмеры (см. таблицу). Заранее предвидим возможные замечания относительно искажений, вносимых подобными интерпретациями. В качестве оправдания приведем довод, что без подобного представления, наверное, был бы невозможен корректный аналитический разбор программных тезисов Н. П. Шмелева, предлагаемых во втором (экономическом), третьем (условно, социально-политическом) и четвертом (научно-технологическом) разделах работы.

Таблица

Анализ «программных» предложений Н. П. Шмелева

	Мера	Ожидаемый эффект	Оценка негативных последствий, предложения по «контрмерам»
	1	2	3
1	«Последовательный хозрасчет» — предоставление самостоятельности предприятий в хозяйственной деятельности	Насыщение рынка товарами	«Идеологическая перестраховка, опасения, что мы выпустим из бутылки злой дух капитализма. ... Но риск, что вместе с позитивными переменами появятся и новые противоречия, трудности и недостатки, конечно, есть. Более того, определенные минусы неизбежны — такова диалектика исторического процесса. И заранее все не обезвредишь» (с. 350).
2	Реформа системы отношений в сельском хозяйстве: запрет административного вмешательства; «выравнивание закупочных цен»; «твердая ставка прогрессивного налога с доходов и (без самой крайней необходимости) никаких натуральных заданий»; «Колхоз и совхоз должны иметь право свободно продавать свою продукцию государственным и кооперативным организациям и потребителям»; «необходимо в экономических и социальных правах полностью уравнивать приусадебное хозяйство с коллективным» (с. 351).	Ликвидация убыточности отраслей сельского хозяйства	«Пусть мы потеряем свою идеологическую девственность. Воруя и наживаясь при этой девственности больше, чем когда бы то ни было». «А когда мы решим задачу обеспечения себя хлебом насущным — и не раньше, — можно будет подумать и о том, чтобы большие доходы самых трудолюбивых и предприимчивых хозяев не привели к образованию угрожающих капиталов. Для этого есть простые, действенные средства — налоги и соответствующие полномочия фининспектора...» (с. 354).
3	Расширение индивидуально-кооперативного сектора в городах	Появление конкуренции станет стимулом для повышения эффективности работы государственных промышленных, торговых и бытовых предприятий. Оживление обстановки в потребительском секторе народного хозяйства, насыщение рынка. Появление у массового покупателя возможности потребительского выбора («чтобы наш человек по-настоящему пожелал хорошо зарабатывать честным, напряженным трудом») (с. 355).	«Само собой разумеется, что при таком повороте событий избежать разгула воровства и коррупции можно будет лишь при двух условиях. Первое — свободная оптовая торговля средствами производства, сырьем и материалами. Второе — в правовом и экономическом отношении индивидуально-кооперативный сектор должен быть полностью (и как покупатель, и как продавец) приравнен к государственным предприятиям и организациям» (с. 355).

Продолжение таблицы

	1	2	3
4	«Мы уже сегодня ... можем решиться на широкую оптовую торговлю средствами производства» (с. 355).	«Свободная торговля излишками и сверхплановой продукцией сразу же наполнит договор жизненным смыслом». «...деньги опять начнут превращаться в нечто весомое, значимое, остро желанное» (с. 356).	Негативные последствия от данной меры в явной форме не рассматриваются.
5	Допущение (официальное признание) безработицы.	«...не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе. То, что разболтанностью, пьянством, бракоделством мы во многом обязаны чрезмерно полной занятости, сегодня, кажется, ясно всем». «Реальная опасность потерять работу, перейти на временное пособие или быть обязанным трудиться там, куда пошлют, — очень неплохое лекарство от лени, пьянства, безответственности» (с. 357).	«...одно дело — обсуждать проблему, делая вид, что никакой безработицы у нас нет, и совсем другое — делать это спокойно, отдавая себе отчет в том, что какая-то безработица есть и что ее не может не быть». «...есть миллионы незанятых и постоянно открывающихся новых рабочих мест. При должной поворотливости с их помощью можно свести масштабы временной безработицы к минимуму» (с. 357).
6	Разрешение свободной внешней торговли со странами СЭВ	«...надо открыть советский внутренний рынок для любой их продукции. Если стремишься хорошо заработать в СССР — оставляй нам часть этого заработка в порядке погашения долга. Перспективы стабильной работы на практически безграничный рынок Советского Союза — такое благо, которым вряд ли кто захотел бы пренебречь» (с. 359).	О возможном негативном эффекте, связанном с возникновением торгового дисбаланса, который гипотетически допускается автором, можно судить исключительно по контролю: «В условиях свободной внутренней торговли средствами производства они, несомненно, всегда найдут, что у нас купить. Все мыслимые их потребности в наших товарах, по оценкам экспертов, не превышают 1% советского промышленного производства и могут быть удовлетворены (при должной заинтересованности наших предприятий!) за счет скрытых резервов и внеплановой продукции» (с. 360).
7	Создание свободных экономических зон, привлечение иностранного капитала	«Если бы удалось добиться тут видимого успеха, мы могли бы не только ускорить насыщение внутреннего рынка, но и заметно укрепить экспортные позиции страны» (с. 361).	«Привлечь серьезный иностранный капитал трудно. Еще труднее добиться, чтобы смешанные предприятия легко уживались с нашими порядками, чтобы иностранцы охотно вкладывали в нашу промышленность полученные у нас же прибыли (реинвестиция)» (с. 361).
8	«Советские цены должны как можно точнее соответствовать мировым». Решение проблемы переводного рубля. «...без связи с мировыми ценами и прямого обмена рубля нереально всерьез рассчитывать на новые формы сотрудничества с нашими зарубежными партнерами в странах СЭВ	«Экономическое положение предприятий и объединений должно прямо зависеть от прибыли, а пока мы не произведем выравнивания оптовых цен и не избавимся от плановых субсидий, критерий прибыльности работать не сможет» (с. 364).	«Выравнивание цен — дело исключительно деликатное, в частности, потому, что придется заметно повысить цены на продовольственные товары и коммунальные услуги». «Сейчас советский потребитель в виде дотаций на убыточные цены основных продовольственных товаров и услуг получает из казны более 50 млрд

Окончание таблицы

	1	2	3
	и в капиталистическом мире, на успех кооперации и совместных предприятий» (с. 365).		рублей. А почему бы ему не получать те же самые деньги в форме доплаты к основному заработку, а возможно, и к своему вкладу в сберкаассу? В конце концов, почему недоплачивать за мясо и в то же время переплачивать за ткани и обувь, а не покупать то и другое по реальным ценам?» (с. 363–364).
9	«...постепенное ослабление, а затем и полное устранение монополии производителя в нашей экономике». «Предприятие должно иметь реальную возможность по своей воле (даже, если угодно, по своей прихоти) в любой момент поменять поставщика с уплатой или неуплатой неустойки в зависимости от конкретных обстоятельств такого разрыва. Договоры должны возобновляться каждый год» (с. 371).	Повышение качества продукции.	«...проблема “выбора для потребителей”, проблема конкуренции, не имеет под собой никакой социально-классовой подоплеки. Идеологией здесь и не пахнет. Это чисто экономическая, даже технико-экономическая проблема». «главное объективное условие бездефицитной экономики — некий неизбежный уровень народнохозяйственных потерь, бросовой, не нашедшей себе сбыта продукции в качестве обязательной платы за возможность выбора для потребителя. В кабинетной, умозрительной погоне за “стопроцентной рациональностью”, за стопроцентным использованием наших ресурсов и продукции мы в итоге теряем несравнимо больше и одновременно сами себе мешаем покончить с браком, подняться до мировых стандартов качества» (с. 369–370).
10	«...главной фигурой во всей системе хозяйственного управления должен стать не инженер, а экономист, а может быть, и экономист и социолог в одном лице» (с. 374).	«Кто будет вдалбливать всем нашим хозяйственным кадрам сверху донизу, что время административных методов управления экономической жизнью проходит, что экономика имеет свои законы»...? «Все это будет делать тот, кому это по плечу и по праву, а по плечу и по праву это только народу, массам, низам. Как — тоже хорошо известно: гласность, демократизм, подлинная выборность снизу доверху, нестесненная общественная жизнь» (с. 375).	«И не дай Бог, если открытые и скрытые противники реформы опять попытаются исподволь пустить ее по печально известному пути “шекинского эксперимента”, Кто может подчитать сегодня тот не только экономический, но и чисто моральный, общественный ущерб, который соответствующие министерства в силу своей экономической непорядочности нанесли тогда стране, загубив на корню это дело?» (с. 373).
11	Ускорения экономического и научно-технического прогресса	«...сегодня больше — это должно быть на самом деле сплошь и рядом меньше. Количественный рост нам не нужен, во всяком случае в большинстве отраслей, он нужен только в отраслях “высокой технологии”, и, может быть, в некоторых отраслях аграрно-промышленного комплекса» (с. 378).	Изложено в наиболее короткой «четвертой части», негативные аспекты не рассматриваются.

Перечисленные выше предложения при взгляде на них из нашего времени могут впечатлить разве что своей неадекватностью и наивностью. Тяжелые социально-экономические последствия крушения советской системы и так называемого «перехода к рынку» стали общепризнанным историческим фактом. В то же время дать точный и компактный ответ на вопрос «В чем же главные фундаментальные причины несостоятельности данной программы?» не так уж и просто.

Планы преобразований: сознательный обман или «скрытый» сигнал обществу?

Выше отмечалась существенная роль факторов «сигнала» и «идеологического камуфляжа» в содержании статьи (с этой точки зрения статью Ханина и Селюнина можно рассматривать как «пред-сигнал» для более узкого круга — профессионального экономического сообщества). Однако все-таки было бы неправомерным сводить все к «дымовой завесе» и исключительно попыткам «обмана народа», так как в ближайшие за 1987 г. годы действительно последовала череда кардинальных реформ советского общества, содержание многих из которых вполне коррелировало с программными положениями, сформулированными в рассматриваемой нами статье.

Версия предательства и сознательного вредительства со стороны М. С. Горбачева достаточно популярна в определенных общественных кругах. Но в рамках более-менее содержательного анализа допущение, что все высшее советское руководство во главе со своим лидером в начале 1987 г. было одержимо идеями развала СССР и последующей полной утраты собственной власти, представляется маловероятным. Руководство страны искало выход из сложной ситуации, поэтому, на наш взгляд, более корректно рассматривать текст работы Н. П. Шмелева как некоторый симбиоз «обмана в краткосрочной перспективе» и долгосрочных планов, на которые возлагались вполне серьезные ожидания.

Термин «хозрасчет» в настоящее время практически вышел из употребления. Вполне возможно, что для читателей, родившихся после 1987 г., он вообще не несет какого-то конкретного смысла. Однако на момент выхода упоминаемых нами работ он выполнял роль фундаментальной категории политэкономии социализма. Возможно, сопоставимой с той, какую играют в философии понятия «бытия» и «познания». Сейчас вполне открыто можно признать, что в значительной мере большинство советских ученых-экономистов посредством слова «хозрасчет» маскировало те элементы рынка и капитализма, которые были неизбежны в повседневной хозяйственной деятельности предприятий, организаций и населения.

Общим местом советской экономической истории стало беспрестанное сетование на недостаточно полное, нетворческое, неэффективное и т. п. использование хозрасчетных отношений. Одновременно вполне ясным (хотя и явно недеklarированным) было понимание как со стороны ученых, так и профессиональных хозяйственников того обстоятельства, что принципиальным тормозом для расширения хозрасчета являются так называемые «социалистические устои»: общественная собственность на средства производства, запрет на предпринимательскую деятельность, борьба с так называемыми нетрудовыми доходами, отсутствие свободных финансовых и фондовых рынков, карточная по своей объективной сути система распределения ресурсов.

Строго говоря, призывы к «последовательному развитию хозрасчета», которые присутствуют в упомянутых выше работах, — не что иное, как попытка «протасить» в социализм «островки капитализма», которые будут каким-то не вполне

понятным образом изолированы от «глобальной экономической системы» и, существуя сами по себе, приносить пользу, не портя общей картины социальной справедливости.

Как показал опыт следующего 1988 г., когда под лозунгами «больше хозрасчета — больше социализма» по части «незыблемых основ и устоев социализма» были сделаны существенные уступки¹, сравнение с «островками» стало больше подходить для социализма, который стремительно поглощался капиталистическим морем.

Примером одной из наиболее ярких «наивностей» работы может служить следующая цитата: «Для этого даже необязательно пока упразднить систему фондируемого (“карточного”) снабжения. В стране уже имеются огромные запасы материальных ценностей. Они созданы стихийно, в порядке своеобразного самострахования, самозащиты предприятий от капризов и пороков “карточного” снабжения. ... Позволить предприятиям и организациям уже сейчас свободно продавать, покупать, передавать займы эти ценности...» (Селюнин, Шмелев, 1990, с. 355).

Вера в возможность одновременного совместного «мирного сосуществования» рынка с карточной системой, отсутствие каких-либо гипотез о том, каков будет баланс спроса и предложения в случае снятия ограничений на рост доходов населения, каков будет уровень инфляции, безработицы — все это характерные черты «общественных представлений» о путях совершенствования советской системы.

Сейчас нередко можно слышать вполне справедливый тезис о непродуманности и неподготовленности «горбачевских реформ». Ответ, объясняющий причины этого, также читается «между строк» статьи. Один из ее лейтмотивов — ощущение «стремительно уходящего времени»: «...речь идет преимущественно о мерах, которые могут дать что-то реальное в ближайшее время, уже в нынешней пятилетке».

Под это подыскивается и своеобразная «идеологическая индульгенция» от «великого Ленина», оправдывающая отсутствие серьезных расчетов. Оказывается, у него есть подходящая «наполеоновская» цитата: «... определенные минусы неизбежны — такова диалектика исторического процесса. И заранее все не обезвредишь. Важно не позволить этим опасениям парализовать нас. “Надо ввязаться в драку, а там — посмотрим”, — Ленин, как известно, любил повторять эту мысль» (Селюнин, Шмелев, 1990, с. 350).

Вполне возможно, что ответ на вопрос о главном недостатке «шмелевской программы» не столь уж замысловат. Авторы и стоящие за ним «высокие руководители и идеологи реформ», отчасти пытаясь сказать «не всю правду», отчасти искренне заблуждаясь, излишне увлеклись иллюзией, что «капитализм в малых дозах может решить проблемы социализма». По факту, когда «дозы капитализма», маскируемого под хозрасчет, были гомеопатическими, они не давали значимого эффекта, а когда стали существенными — то просто «убили» социализм.

В течение 30 лет, отделяющих нас от 1987 г., отношение в разных слоях общества к эпохе «Перестройки и гласности» претерпело серию радикальных изменений. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос «Если улучшение социализма посредством добавки элементов капиталистических отношений было невозможным, то были ли какие-то иные позитивные выходы для Советского Союза?»

Заметим, что особо непримиримые современные критики курса М. С. Горбачева по существу замыкаются на консервативной позиции, идеализируя «советскую действительность». По всей видимости, особо стойким адептам преимуществ

¹ Законы «О кооперации в СССР», «О государственном предприятии (объединении)» и др.

социализма будет полезно перечитать уже упомянутую нами работу Г. И. Ханина и В. И. Селюнина. Она, не вторгаясь в сферу политики, дает достаточно яркую и аргументированную картину состояния советской экономики ко второй половине 1980-х гг.

Одним из «рецептов» спасения Советского Союза нередко называют «китайский путь»: экономическая либерализация при сохранении политического контроля за правящей Коммунистической партией.

Рассматривая статью Шмелева как сигнал, посылаемый обществу, мы отчасти можем оценить реалистичность «китайского сценария спасения СССР». С формальной точки зрения система мер очень похожа на то, что было реализовано в Китае в 1990-х гг. Однако в отличие от Китая и стран Юго-Восточной Азии СССР уже не располагал достаточным ресурсом дешевой рабочей силы, проигрывая конкуренцию по данному параметру с точки зрения потенциальных инвесторов в высокотехнологичные отрасли. Именно поэтому после экономической либерализации 1988 г. вектор предпринимательской активности граждан был направлен в сектора торговли, услуг и перераспределения, а не в производство. Образно говоря, для вовлечения китайского крестьянина, перебравшегося из деревни в город, в промышленное производство требовались существенно меньшие экономические стимулы, чем для вовлечения в аналогичный процесс советского гражданина. Разумеется, можно привести немало позитивных контрпримеров. Однако они несопоставимы с фундаментальными трендами, наметившимися в советской экономике после мер по ее оживлению путем либерализации.

Таким образом, сопоставление путей трансформации социалистической экономики в СССР и Китае будет корректным исключительно при условии количественных оценок ресурсных возможностей, имевшихся у той и другой стороны, включая стоимость рабочей силы, объем трудовых ресурсов и т. д.

Это же касается возможностей руководства по обеспечению политической стабильности. Краткий обзор ситуации в СССР, приведенный ранее, свидетельствует скорее о том, что Горбачев не обладал тем «ресурсом военно-политического насилия», который имел к 1989 г. Дэн Сяопин (1904–1997), позволивший ему разогнать протестующих на площади Тяньаньмэнь. За Горбачевым не стояло сплоченной и достаточно представительной социальной группы, которая была бы очевидно и безусловно заинтересована в консервации политического режима, а существовавшая на тот момент социально-политическая система не позволяла даже начать работу по формированию такого лояльного («референтного») социального слоя.

Сопоставляя положение СССР и Китая, можно заключить, что в определенном смысле для своего технологического рывка Китай использовал силы той же «природы», что и СССР в 30-е гг. XX в. в период сталинской индустриализации.

Развивая тему «обмена сигналов» между руководством страны и обществом, можно отметить, что статья Н. П. Шмелева служит ярким и наглядным примером «ложной поддержки неправдивого сигнала».

По существу в 1987 г. «высшее руководство» посылало «населению» сигнал «давайте укрепим здание нашей экономики полукапиталистическими контрфорсами при сохранении социалистического фасада». Его «неправдивость» определялась тем, что для подавляющего большинства членов правящей группы «социалистический фасад» был нужен не по каким-то принципиальным соображениям, а исключительно в целях самосохранения. Отказ от основ социалистического строя и курса «на построение коммунизма» был равноценен делегитимации и потери власти.

Ответная реакция населения — «горячо поддерживаем и полностью одобряем». «Ложность» данной поддержки заключалась в том, что в заявлениях руководства интерес представляли исключительно «капиталистические модификации», а не сохранение социалистического фасада.

К 80-м гг. существенно изменился социальный состав Советского государства, достаточно зримым стал процесс формирования и «цементирования» социальных каст и прослоек, снижения социальной мобильности. Поэтому отношение к идеалам социальной справедливости приобрело индифферентно-скептический характер. Рост уровня жизни и материального благосостояния за предшествующие годы неизбежно вел к сдвигу системы ценностей от «успеха коллектива и социума» к «индивидуальному успеху». Природа подобных процессов объективна, советская система, в ходе курса на неуклонное повышение жизненного уровня трудящихся, в значительной мере работала «против себя».

Принципы социальной справедливости стали восприниматься в качестве абстрактного идеала, недостижимого в реальной жизни. Это отчасти объясняет столь стремительный взлет популярности тезиса о «духовной близости» коммунистической морали и христианских ценностей.

Как следствие, ответом на шаги руководства по либерализации экономики (без явного признания такового отступлением от социалистических идеалов) стало оппортунистическое поведение населения, стремившегося не столько к производству новых благ, сколько к перераспределению существующих.

Вольно или невольно самим автором была предсказаны последствия «нечестного ответа на нечестный сигнал»: «Инстинкт самосохранения и стремление к успеху нашему человеку свойственны не меньше, чем кому бы то ни было. Но, как и всякого человека, обманывать его нельзя» (Селюнин, Шмелев, 1990, с. 375).

Приведенные рассуждения и аргументы подводят нас к несколько разочаровывающему заключению: к 1987 г. у Советского Союза не было позитивных, безболезненных и выигрышных для всех социальных слоев сценариев развития. С этой точки зрения статья Н. П. Шмелева может выполнять роль очень качественного и наглядного практического пособия в учебном курсе, посвященном закономерностям и механизмам распада «больших систем».

Рассуждения о том, существовали или нет «выигрышные» сценарии на более ранних этапах развития, по всей видимости, выходят за рамки научного исследования, так как неизбежно вынуждены опираться на критически большое число неverified гипотез, а то и просто домыслов.

Заключение

Последующие события — демарш Б. Н. Ельцина (1931–2007) с его последующей трансформацией в «символ» радикального реформаторского курса, противостоящего половинчатой и непоследовательной политике генсека Горбачева, первые столкновения на национальной почве в Карабахе, неуправляемые политические процессы — служат только дополнительными аргументами в пользу сделанного выше пессимистического вывода.

И все-таки статья Н. П. Шмелева в наше время представляет не только ретроспективный интерес. История совершила своеобразный круг, и вот уже современное общество пришло к тому состоянию, когда многие авторитетные политики, публицисты и экономисты начинают предлагать для решения вновь возникших проблем меры, зеркальные по отношению к тем, которые формулировались в 1987 г.

Достаточно популярным стал лейтмотив ностальгии о потерянном «социалистическом рае». Например, в ходе президентской предвыборной компании весны 2018 г. команда одного из кандидатов активно использовала образ совхоза им. Ленина под Москвой. Он представлялся «счастливым островком социализма», на котором зажиточно и счастливо жили и живут его обитатели.

Также нельзя не обратить внимания на принципиальную содержательную общность проблем, как поднимавшихся 30 лет назад в статье «Авансы и долги», так и тех, которые сейчас «на слуху».

В работе Шмелева можно встретить следующую констатацию: «Массовыми стали апатия и безразличие, воровство, неуважение к честному труду и одновременно агрессивная зависть к тем, кто много зарабатывает, даже если зарабатывает честно. Появились признаки почти физической деградации значительной части народа на почве пьянства и безделья» (Селюнин, Шмелев, 1990, с. 349).

Вполне вероятно, что эта цитата не выпадет из контекста какой-либо современной статьи, оценивающей последствия рыночных реформ 90-х. Одновременно напрашивается гипотеза, что, если проблема присутствовала до рыночных преобразований и не исчезла после них, то весьма вероятно, что пути ее решения несколько иные, чем возврат к «идеалам социального государства».

Из строки 3 таблицы читатель, рожденный в постсоветский период, может узнать, что такие явления, как воровство и коррупция, не были чем-то абсолютно неизвестным для советского общества. При этом меры, на которые Шмелевым возлагались столь серьезные ожидания (свободная оптовая торговля, приравнивание индивидуально-кооперативного сектора к государственному), по меньшей мере не сработали. Однако сам факт оценивания воровства и коррупции как проблемы, видимой и осязаемой в 1987 г., наталкивает на определенные размышления. Когда от одной и той же болезни предлагаются лекарства «с точностью до наоборот», то это неизбежно вызывает подозрения, и вполне естественной представляется догадка, что в равной степени не поможет ни то, ни другое.

Проблема «правдивости» сигналов, которыми обмениваются общество и власть, за прошедшие годы ни в коей мере не утратила своей актуальности. Подтверждения этому тезису можно черпать буквально из текущей новостной ленты.

Один из конструктивных выводов, который мы можем сделать, анализируя последствия планов и программ реформ, отправной точкой для которых стала статья «Авансы и долги», состоит в том, что нужно по возможности критично относиться к любым проектам переустройства экономики, не опирающимся на фундаментальный количественный анализ. Верным основанием для настороженного отношения к мерам, предлагаемым тем или иным автором, является яркое описание ожидаемых преимуществ при отсутствии развернутого обзора потенциальных проблем и потерь.

Литература

Горбачев М. С. О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 25 июня 1987 г. // *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. М., 1988. Т. 5. С. 129–185.

Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 г. // *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 4. С. 299–354.

Ленин В. И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 44. С. 221–229.

Расплата за «авансы и долги». Николай Шмелев, директор Института Европы, академик РАН: «Сейчас жалею, что начал перестройку!» [Интервью] // Московский комсомолец. 2009.

23 sent. URL: <https://www.mk.ru/economics/interview/2009/09/23/355822-rasplata-za-avansyi-i-dolgi.html>

Селюнин В., Шмелев Н. Истоки. Авансы и долги. М., 1990.

Ханин Г., Селюнин В. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 181–201.

Ханин Г. И. Нерентабельность лжи. «Лукавая цифра»: 30 лет продолжения // Знамя. 2017. № 8. С. 170–183.

Шмелев Н. П. Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6. С. 142–158.

Шмелев Н. П. Авансы и долги: вчера и завтра российских экономических реформ. М., 1996.

Яковлев А. Н. Новое качество социального развития и обществоведение // Яковлев А. Н. Реализм — земля перестройки: избранные выступления и статьи. М., 1990. С. 214–235.

References

Gorbachev M. S. O perestrojke i kadrovoj politike. Doklad na Plenumе CK KPSS 27 yanvarya 1987 g. [On the restructuring and personnel policy. Report at the Plenum of the Central Committee of the CPSU on January 27, 1987]. *Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i* [Selected speeches and articles]. Moscow, 1987, vol. 4, pp. 299–354. (In Russian)

Gorbachev M. S. O zadachah partii po korenoj perestrojke upravleniya ehkonomikoj. Doklad na Plenumе CK KPSS 25 iyunya 1987 g. [On the tasks of the party on a radical restructuring of economic management. Report at the Plenum of the Central Committee of the CPSU on June 25, 1987]. *Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i* [Selected speeches and articles]. Moscow, 1988, vol. 5, pp. 129–185. (In Russian)

Hanin G., Selyunin V. Lukavaya cifra [Lukaway figure]. *Novyj mir* [New World], 1987, N 2, pp. 181–201. (In Russian)

Hanin G. I. Nerentabel'nost' lzhi. «Lukavaya cifra»: 30 let prodolzheniya [Unprofitable lie. “Crafty figure”: 30 years of continuation]. *Znamya* [Banner], 2017, N 8, pp. 170–183. (In Russian)

Lenin V. I. O znachenii zolota teper' i posle polnoj pobedy socializma [On the value of gold now and after the complete victory of socialism]. *Lenin V. I. Poln. sobr. soch.* [Ful. collected cit.]. Moscow, 1970, vol. 44, pp. 221–229. (In Russian)

Rasplata za «avansy i dolgi». Nikolaj Shmelev, direktor Instituta Evropy, akademik RAN: «Sejchas zhaleyu, chto nachal perestrojku!» (Interv'yuy) [Payback for “advances and debts,,. Nikolay Shmelev, Director of the Institute of Europe, Academician of the Russian Academy of Sciences: “Now I regret that I started perestroika!” (Interview)]. *Moskovskij komsomolec* [Moskovsky Komsomolets], 2009, 23 sent. Available at: <https://www.mk.ru/economics/interview/2009/09/23/355822-rasplata-za-avansyi-i-dolgi.html>. (In Russian)

Selyunin V., Shmelev N. *Istoki. Avansy i dolgi* [Origins. Advances and debts]. Moscow, 1990. (In Russian)

Shmelev N. P. Avansy i dolgi [Advances and debts]. *Novyj mir* [New World]. 1987, N 6, pp. 142–158. (In Russian)

Shmelev N. P. *Avansy i dolgi: vchera i zavtra rossijskih ehkonomicheskikh reform* [Advances and debts: yesterday and tomorrow of Russian economic reforms]. Moscow, 1996. (In Russian)

Yakovlev A. N. Novoe kachestvo social'nogo razvitiya i obschestvovedenie [New quality of social development and social science]. *Yakovlev A. N. Realizm — zemlya perestrojki: izbrannye vystupleniya i stat'i* [Yakovlev A. N. Realism is the land of perestroika: selected speeches and articles]. Moscow, 1990, pp. 214–235. (In Russian)